

ЛИТЕРАТУРА — всегда
Лотклик. Эти слова са-
мого поэта лучше все-
го определяют и внутрен-
ний смысл, и форму передачи
«Андрей Вознесенский — ди-
алог о поэзии». Совсем корот-
кий отрезок времени разделил
ее и авторский вечер Валенти-
на Катаева в Останкине. Еще
один небольшой шаг во време-
ни назад: останкинский вечер
Зениamina Каверина. Шаг во
времени вперед — передача о
Михаиле Булгакове. Еще шаг —
фильм-концерт «Зеленые цве-
ты» о творчестве Николая Руб-
цова...

Среди бесчисленных вопро-
сов, которые задавали Катаеву
з тот вечер собравшиеся в Ос-
танкине читатели, слушатели,
был такой: «Что, на ваш взгляд,
самое ценное в современной
советской литературе?» «Ее
единство», — ответил Катаев. —

НА ЕДИНСТВЕ С МИЛЛИОНАМИ

Несмотря на разнообразие сти-
листики, на большое различие
в степени мастерства, все-таки
самое главное то, что мы —
советские писатели».

Тема единства — внутрен-
няя, самым материалом диктуе-
мая тема, которая возникает и
в каждой из названных мною
передач, и в совокупности их,
в их движении. Не об этом ли
единстве свидетельствуют сама
необходимость таких передач,
выражение в них не только пи-
сательских, но и читательских
устремлений?

Литературные вечера в Ос-
танкине (а встреча Андрея
Вознесенского с читателями, с
огромной телевизионной ауди-
торией стала когда-то первой
в ряду таких вечеров) должны
были породить новые формы
диалога. Но и сами вечера дол-
жны были измениться, перейти
от формы «литературного кон-
церта» к форме живого, напря-
женного диалога поэта, прозаика
и их аудитории. Той, что
собралась в этот вечер в студи-
и. И всей читательской
аудитории, многомиллионной,
которая давно уже обсуждает
подобные встречи не менее
страстно, чем новинки литера-
туры.

И вот те, кто собирается в
Останкине, уже представляют
собой не «знак» аудитории, а
образ современного читателя.
Раньше бывало и так, что со-
здавалось впечатление некото-
рой «инсценированности» ауди-
тории (кто в зале? — друзья
поэта, прозаика? кактив? ре-
дакция? счастливицы, добыв-
шие билет, — но где можно этот
билет достать?..). Сегодня ли-
тературные вечера в Останки-
не построены так, что на экра-
не одинаково активны и пи-
сатель, и его читатели. И по-
этому вопросы прозаика, поэту
задаются коренные, наиваж-
нейшие, касающиеся самых
глубоких проблем творчества —
и «творчества вообще», и твор-
чества данного, конкретного
мастера. Собственно, разгово-
р «всего лишь» и идет о смысле
творчества, его цели, его от-
даче и самоотдаче.

Живая катаевская интона-
ция, его мироотношение смо-
гли в тот вечер объяснить мно-
гое. И внутреннюю необходи-
мость сверхнапряженной стили-
стики катаевской прозы по-
следних лет. И многомерность

«образа времени» в этой про-
зе. И тематическую ее направ-
ленность. И активность личной
позиции писателя, особенно
там, где речь идет именно об
историческом единстве совет-
ской литературы. Катаев, отве-
чая на вопросы, беседа, вспо-
миная, рассказал многое из то-
го, что уже читали мы в по-
следних его книгах. «Остан-
кинский» вечер с прозрачной
ясностью открыл то, что было
для Катаева в этих книгах по-
следних лет главным: попытку
охватить великую и трудную
пору становления нашей совет-
ской литературы как целое, в
единстве.

И еще одна тема емко от-
крылась в этом живом диалоге
Валентина Катаева с аудиторией:
тема преемственной связи
советской культуры с класси-
ческим наследием. «Литература
наша, современная, советская,

очень богата, — сказал Ката-
ев. — Она превосходно разви-
вает все то, что сделали наши
великие предшественники, к
тому же не такие уж далекие
от нас». То, что и, главное, как
говорил Катаев о Бунине, о
Горьком, — говорил как совре-
менный собеседник, об от-
ношении «учитель — ученик». Андрей
Вознесенского тоже
спросили об учителях — он на-
звал Маяковского. Назвал Па-
стернака, поблагодарил судьбу
за встречу с ним — и очень хо-
рошо сказал, что «учитель-
ство» и «ученичество» состоя-
ли не в отыскании и исправле-
нии «ошибок» и «недостат-
ков» мастерства, а в постиже-
нии опыта литературы как
творчества, как мироотноше-
ния, как долга. Вот что также
во всех названных мною пере-
дачах стало внутренней осно-
вой разговора о единстве со-
ветской литературы. Разговора,
настроенного как ответы на
вопросы, ибо вопросы — об-
щие, «писательские» и «чита-
тельские».

Логика единства свободно и
доказательно раскрылась и в
соседстве передач об Андрее
Вознесенском и Николае Руб-
цове. «Фильм-концерт» — точ-
ное и одновременно неполное
определение передачи «Зеле-
ные цветы». Это был, вернее
сказать, фильм-воспоминание.
Станислав Куняев, Глеб Гор-
бовский, Вадим Кожинов де-
лились мыслями о современ-
нике; они, читатели-профессио-
налы, во всем богатстве эмо-
циональных реакций искали
ответа на главный вопрос: что
дало поэтическую силу стро-
кам Рубцова, что поставило
этого художника, прожившего
недолго, в ряд необходимых
нашим дням мастеров поэзии
— и мастеров мысли, чувства?
Мысли о времени, чувства Род-
ины, чувства эпохи. Оттого и
стихи Рубцова, обманчиво про-
стые на первый, поверхностный
взгляд, раскрывались во всей
сложности внутренней струк-
туры, во всем богатстве их
духовного опыта. Прочитанные
с экрана Владимиром Андрее-
вым строки поэта как бы за-
ново кристаллизовались, воз-
никая на пути к читателю —
на вечном пути диалога.

Литература и читатель се-
годняшнего дня — такова общая
тема, внутренний стержень, на

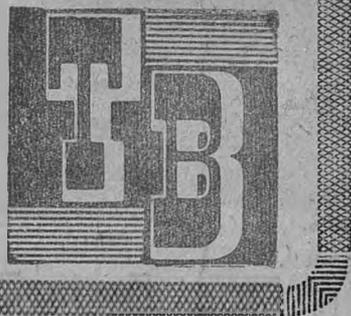
ПИСАТЕЛЬ НА

ТЕЛЕВИДЕНИИ:

О ЛИТЕРАТУРЕ,

О ВРЕМЕНИ,

О СЕБЕ

котором строились все назван-
ные мною передачи. Не просто
о том или ином писателе шла
речь. Не просто о читателе, а
о его духовных исканиях и о
литературе как органе памяти,
аккумуляторе нравственных
критериев и социальной, исто-
рической зоркости.

Передача о Вознесенском
показала, какой громадный по-
тенциал содержит в себе на-
копленный уже опыт останкин-
ских «вечеров», сколь активно
способна эта форма «разом-
кнуться», «диалогизироваться».
Люди идут по своим делам;

к ним подходит человек с микро-
фоном и спрашивает: «Вы
любите поэзию?» Большин-
ство отвечает утвердительно;
находясь и те, кто прямо заяв-
ляет: «Нет, предпочитаю
другой вид искусства». Тех,
кто любит поэзию, просят объ-
яснить: за что любите? Замеча-
тельно, что многие скорее вы-
ражают удивление вопросом,
нежели готовность излагать
концепции. Она просто нужна,
поэзия, как же без нее? Нако-
нец, вопрос: а кого из поэтов
наших дней вы предпочитаете?

Если бы не точность репорта-
жа, непременно упоминание
имени поэта — героя передачи
— могло показаться всего
лишь «соответствующим» сце-
нарным ходом. Тут наоборот:
вся передача выстраивает-
ся, подчиняясь законам жизни,
которой живет творчество
поэта в сознании людей. Кто-
то вежливо отказывает поэту в
«любви». Кому-то, назвавшему
других поэтов, репортер дает
возможность выдержать паузу.
Убедившись, что собеседник не
хочет ничего добавить, «под-
брасывает» имя Вознесенского.
Люди реагируют по-разному.
Кто-то радостно кивает (как
же я, мол, забыл). Стесняю-
щиеся девушки отвечают, мож-
но сказать, светски: раз ре-
портер спрашивает — значит,
надо сказать «да». Кто-то...

Словом, все по-разному, но
в большинстве случаев имя
поэта выпаливают сразу, с го-
товностью объяснить, отста-
ять свою точку зрения. О поэ-
зии вообще людям говорить
трудно и неловко. О поэте
разговор начинается сразу и
непрерывно переходит в «сло-
во о поэзии», в спор о ней.
Объяснения же людьми своей
привязанности к поэзии Воз-
несенского поразительно еди-
ны: читатели говорят не о том,
«за что любите?» эту поэзию, а
о том, что она дает им, како-
ми открываются личность по-
эта и облик времени, мира в
стрках Вознесенского.

Репортер задавал вопросы
«для Вознесенского»: он отве-
чал, листал в кадре читатель-
ские письма; очень интересно
говорил о стиле исполнения
поэтами своих произведений.
Читал в том числе и редкое
по силе, точности стихотворе-
ние памяти Василия Шукши-
на. Экран припоминал и вечер

поэта в Останкине, и старый,
полторадесятилетней давности
вечер поэзии в Политтехни-
ческом. Это воспоминание
оказалось особенно уместным;
то, что некогда вызвало споры,
казалось необычным (и
было, как верно подчеркнул
Вознесенский, лишь возрожде-
нием необходимого и под-
забытого), благодаря телеви-
дению сегодня сполна реали-
зовало себя. Тут тоже важная
черта единства: выступления
Блока и Маяковского в Поли-
техническом; те формы, кото-
рые открыла для себя литера-
тура в годы первых пятилеток
(радиогазета, радиofilm); го-
лос литературы в годы Отече-
ственной войны (Николай Ти-
хонов, Ольга Берггольц. Все-
волод Вишневский, Вера Ин-
бер обращаются со словом ли-
тератора из осажденного Ле-
нинграда: Михаил Светлов чи-
тает стихи на передовой...);
поэтические вечера конца 50-х
— начала 60-х годов: Политтех-
нический, Дворец спорта,
строительные площадки, раз-
бросанные по всей стране. И
сегодня ставшие нормой ли-
тературные встречи на БАМе и
в воинских частях, литератур-
ные вечера в крупнейших кон-
цертных залах и в Останкине,
в телестудии, когда вся страна
становится единой аудиторией
единой советской литературы.

Разнообразные формы диа-
лога литературы и читателя по-
родили — на массовом уровне
— и восприятие литературы во
всей широте ее духовных взаи-
мосвязей. Не случайно и Воз-
несенского, и Катаева чита-
тельские вопросы побудили
заговорить об этих взаимосвя-
зях искусства слова. Пробле-
мы поэтической интонации,
мысли о стиле исполнения
поэтом своих стихов сами со-
бой вывели поэта на разговор
о музыке. Фрагмент из «Поэ-
тории» Родина Щедрина —
Андрея Вознесенского про-
звучал веско, уместно. Ката-
ева прямо из зала спросили о
его «внелитературных» худо-
жественных пристрастиях, —
и он рассказал о своей внут-
ренней потребности в музыке,
в живописи. О том же говорил
и Вениамин Каверин в свой
«останкинский» вечер.

Встречи в Останкине все бо-
лее уверенно и закономерно
обретают еще одну важней-
шую тему: органическое един-
ство нашей культуры, ее на-
расчлененность и нерасчлени-
мость на «чеховые» задачи и
«чеховые» интересы.

Эта тема, ее возникновение,
ее «нарастание» понятны,
Жизнь литературы на телеэ-
ране со все большей полно-
той открывает социальную не-
обходимость, социальную зна-
чимость литературы как худо-
жества, как фактора духовной
жизни. Новые формы диалога
литературы, писателя с чита-
телем лишь подчеркивают цело-
стность облика современного
человека, свойственное этому
человеку чувство осознанного
историзма, поиски этим чело-
веком органического мироот-
ношения — будь то художник,
будь то его аудитория.

Василий КИСУНЬКО

Мем. газета, 1978, 20 ден.